Из дневника Гермионы Грейнджер — неделя 20, день 3

Вчера это наконец случилось. Я собираюсь обвести эту дату большими светящимися кольцами! Он сказал мне ...

Прошло четыре недели с тех пор, как Гарри и Гермиона признали свою симпатию друг к другу, и Гермиона думала, что жизнь не может быть намного лучше. Гарри делал все те ласковые вещи, которые делают новые бойфренды, и они постоянно дразнили и флиртовали друг с другом. От его поцелуев у нее подгибались колени и подгибались пальцы ног. Настроение Гермионы было настолько приподнятым, что ей потребовалось некоторое время, чтобы заметить, что Гарри время от времени все еще бросает на нее странные взгляды.

Поскольку им стало так комфортно рядом друг с другом, и они так откровенно ласковы, она была удивлена однажды вечером, когда Гарри нервно приблизился к ней.

«Гермиона, что скажешь, если мы наденем сегодня на ужин наряды? Я надену свою лучшую рубашку и брюки, а ты, может быть, наденешь свое белое платье?»

— Конечно, хорошо, — растерянно ответила она. Немного подумав, она решила просто пойти с ним. — Хочешь, я тоже надену свое нефритовое ожерелье? Гарри с готовностью согласился, что ожерелье будет отличным дополнением.

Его нервозность продолжалась весь ужин, пока, наконец, она не смогла больше сдерживаться. — Гарри, ты странно на меня посмотрел, как будто у тебя что-то на уме. Что это?

Гарри сглотнул, затем сел прямее, его поза наводила на мысль, что он завершил внутреннюю борьбу, которая шла в его голове, и определился с курсом действий. "Как вы думаете, как мы делаем в списке?"

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он имел в виду под «списком». «Ну, мы не очень много сделали для поиска хоркруксов, но я думаю, у нас есть несколько хороших идей, как их уничтожить», — ответила она. «Мы много тренировались, чтобы развить наши навыки, и научились большему количеству магии, и вы становитесь сильнее». Она понятия не имела, почему он заговорил об этом сейчас, и надеялась, что он скоро объяснится.

— А что насчет последнего пункта в списке? он настаивал.

Гермиона просмотрела список в уме и поняла, что последний пункт требовал времени, чтобы повеселиться. С разочарованным взглядом на то, почему он спросил, она ответила: «Я думала, что мы довольно хорошо справляемся с тем, что развлекаемся и развлекаемся. Ты так не думаешь?»

«Я имею в виду настоящий последний пункт в вашем списке».

Глаза Гермионы в тревоге расширились, когда она поняла, что он говорит.

«Я уже некоторое время могу видеть сквозь твои секретные чары».

У Гермионы перехватило дыхание, и ее сердце начало быстро биться, когда она боролась с паникой, которая угрожала настичь ее. Как она собиралась это объяснить!

Но вместо того, чтобы показать какие-либо признаки расстроенности, Гарри перегнулся через стол, взял ее руки в свои и посмотрел ей в глаза. Вздвигнув, она так растворилась в этих глубоких зеленых глазах, что почти не расслышала, что он сказал дальше. «Я просто подумал, что должен сообщить вам, что вы успешно выполнили последнее задание».

Гермиона могла только заикаться. "Я имею?"

«Я влюбился в тебя».

Она не была уверена, как ему удалось пройти к ней через стол, но Гермиона внезапно оказалась в страстном поцелуе с мужчиной, который только что сказал слова, которые она так жаждала услышать от него.

Когда он закончил, она задыхалась, и ее единственной мыслью было то, что она хочет сделать с ним дальше. — Гарри, — почти прорычала она. «Нам нужно вернуться в комнату. Сейчас же!»

До сих пор Гермиона серьезно редактировала большую часть рассказа, опуская, например, все упоминания о том, что она топless, но ее описание этой сцены было относительно полным. Рон ухмыльнулся Гарри.

«Поздравляю, приятель. Рад слышать, что ты наконец понял это. Думаю, ты не такой дурак, как кажешься». Гарри сделал оскорбленное выражение лица, но оно было испорчено, когда он расплылся в собственной ухмылке. Затем Рон заговорщически наклонился и пробормотал, видимо, думая, что Гермиона его не слышит: — Итак, вы двое, э-э... знаете... уже?

Руки Гермионы метнулись к бедрам, и она устремила на него один из тех взглядов, которые всегда заставляли ее мальчиков съеживаться. «К твоему сведению, Рональд, мы решили подождать, пока мы не поженимся » . Рон выглядел должным образом смущенным и мудро придержал язык, но его смущенный взгляд вскоре превратился в насмешливое выражение лица, обращенное к Гарри, которое ясно спрашивало : «Почему?»

Гермиона не смогла удержать взгляд от веселья, пробившегося в ее разум, и ее озорная сторона придумала, как положить конец этой линии вопросов. «Но не волнуйся, Рон, нам удалось придумать и другие развлекательные мероприятия».

Вопросительный взгляд Рона превратился в ужас при мысли, что он получит описание сексуальной жизни двух своих лучших друзей. «Нет, нет! Все в порядке. Мне больше не нужно ничего слышать!»

Гермиона лишь понимающе улыбнулась ему, мысленно возвращаясь к той ночи. Она не собиралась рассказывать ему о следующей части.

Рано утром после признания Гарри в любви Гермиона обнаружила, что постепенно просыпается. Она держала глаза закрытыми, еще не готовая к тому, что день нарушит ее блаженное состояние, и позволила другим своим чувствам начать действовать. В общем, она испытала лучшее чувство, которое она когда-либо испытывала в своей жизни. Она была в постели с Гарри, и он крепко обнимал ее. Это был рай. У нее было непреодолимое чувство, что это было правильно, так и должно было быть, лежать здесь, в руках Гарри. Она хотела просыпаться так каждое утро всю оставшуюся жизнь. Они оба были обнажены, и ощущение теплого контакта кожи с кожей было невероятным. Часть ее разума изменила предыдущую мысль. Она была не совсем голой, а была одета только в трусики. Гарри, однако, был полностью раздетая, твердое доказательство этого в настоящее время давит на ее зад. Та же часть ее разума отметила, что трусики — хорошая идея, поскольку сейчас они не могут допустить никаких несчастных случаев. Вчера вечером они оба согласились, что еще не готовы к сексу. Но, с ее точки зрения, это был оптимальный наряд, если — надеюсь, когда — они переспят вместе в будущем.

Возвращаясь к работе со своими чувствами, Гермиона заметила, что они оба лежали на боку, а Гарри лежал позади нее, одной рукой держа ее за талию. Другая его рука запуталась в ее волосах. Обе эти позиции рук были восхитительны. Гермиона слегка пошевелилась, чтобы увеличить ощущение кожи к коже, что имело замечательный побочный эффект, заставив Гарри притянуть ее к себе еще плотнее. Она также обнаружила, что ее все еще покалывает от их деятельности прошлой ночью. Гарри... она искала среди всех известных ей терминов, которые использовались для описания деятельности, которой они занимались... коснулась ее. Это было хорошее описание во всех его возможных значениях. «Доставил ей удовольствие» тоже было неплохо, но она решила, что ей больше нравится «трогать ее». Это было настолько лучше, чем те времена, когда она прикасалась к себе, что это было вне всякого сравнения. Теперь она не могла удержаться от того, чтобы не задаваться вопросом, когда же она сможет заставить его «прикоснуться к ней» снова. Позволив своей непослушной стороне проявиться, Гермиона осторожно (не разбудив его) переместила руку Гарри со своей талии на грудь, отчего покалывание снова вспыхнуло, спускаясь оттуда вниз к ее ядру и обратно. Она слегка вздрогнула, позволив этим ощущениям захлестнуть ее и заполнить ее разум, прежде чем она снова погрузилась в сон. из-за чего покалывание снова вспыхнуло, мчась оттуда вниз к ее ядру и обратно. Она слегка вздрогнула, позволив этим ощущениям захлестнуть ее и заполнить ее разум, прежде чем она снова погрузилась в сон. из-за чего покалывание снова вспыхнуло, мчась оттуда вниз к ее ядру и обратно. Она слегка вздрогнула, позволив этим ощущениям захлестнуть ее и заполнить ее разум, прежде чем она снова погрузилась в сон.

Когда Гермиона снова очнулась, она оказалась в другом положении. На этот раз Гарри лежал на спине, а она лежала на боку, прижавшись к нему, положив голову на его правое плечо и прижавшись грудью к его боку. Ее верхняя нога обвила его правую ногу, ее верхняя рука была на его груди, а его правая рука прижимала ее к себе. Она сразу же решила, что это также очень хороший способ проснуться утром. В этот момент она поняла, что ее разбудил Гарри,

оставляющий маленькие поцелуи на ее лбу. Она вздрогнула, когда электрический трепет пронзил ее тело, в результате чего он крепче сжал ее.

"Мммм." Чувство удовлетворения просто исходило от каждой ее частички, когда она начала рисовать пальцем маленькие узоры на его груди.

— Я просто подумал, как здорово было бы просыпаться вот так каждое утро, — мягко сказал Гарри, теперь понимая, что она проснулась.

Гермиона ахнула от смысла того, что он только что сказал вслух, и поразилась, что это точно совпало с ее предыдущей мыслью. Пытаясь сдержать трепетание своего сердца, она ответила одним словом. "Действительно?"

«О! Я имею в виду... гм... я не хотел, чтобы это прозвучало так, как будто я предполагаю...»

Она улыбнулась и сжала его. Он был таким очаровательным, когда пытался не обидеть ее. «Не волнуйся. Я думал точно так же».

Теперь настала его очередь ответить одним словом. "Действительно?" Гермиона радостно кивнула, и Гарри возобновил легкие поцелуи. В то время как Гермиона думала, что они были восхитительны, после нескольких блаженных моментов наслаждения ощущением, она решила сделать шаг вперед и наклонила голову назад, пока ее губы не встретились с его губами, и она продолжила давать ему понять, как точно она была довольна этим ощущением. ситуация.

После этой демонстрации она вернула голову на удобное место на его плече, и они некоторое время лежали там спокойно, пока Гермиона не решила поднять другую тему, которая доминировала в ее мыслях.

"Гарри?"

"Хм?"

— Эм... знаешь, что мы делали прошлой ночью?

"Даааа?" — нервно ответил он.

«Я просто хотел сказать тебе, что мне это очень понравилось. Если тебе интересно, я имею в виду. Ты сделал это очень хорошо. Что она действительно хотела знать, но не осмелилась спросить, так это то, впервые ли он так прикасался к девушке. Точнее, Джинни.

«О. Я... гм... это хорошо. Ты прав, мне было интересно, потому что, знаешь, я никогда раньше не делал ничего подобного». Гермиона сильно сжала его и подумала, что ее лицо может

сломаться, если ее улыбка станет еще шире.

«Ну, я думаю, тогда ты просто естественный», — поддразнила она. Она чувствовала тепло, когда его лицо покраснело, но не отрывала глаз от своего положения на его плече. После небольшой паузы она продолжила. «А как насчет... я имею в виду... ну, мне просто интересно... как я поступил? Правильно ли я поступил?»

— О, Мерлин, Гермиона, конечно, ты знала. Ты была великолепна.

— Так же хорошо, как когда ты делаешь это сам?

«Лучше! Э... эм.... Я имею в виду...»

Гермиона рассмеялась и еще раз сжала его. «Не волнуйся об этом, Гарри. Я читал об этом, ты же знаешь». Поскольку она знала, что он это сделает, Гарри усмехнулся, услышав это, и она покорно легонько шлепнула его по боку. «Знаете ли вы, что девяносто процентов всех мальчиков-подростков признаются, что занимаются этим?» Она сделала паузу, чтобы дать ему обработать эту статистику. «Остальные десять процентов лгут об этом».

Это заставило Гарри расхохотаться, и она повернула голову и подняла ее достаточно, чтобы улыбнуться ему, а затем опустила ее обратно туда, где, по ее мнению, должно было быть ее место под его рукой. Теперь она, наконец, подошла к вопросу, к которому шла.

«Я понимаю, что парни думают о некоторых девушках, когда делают это. Ты когда-нибудь думал обо мне? До этой поездки?»

Она чувствовала, как его тело напряглось при этом вопросе, и боялась, что зашла слишком далеко. Ее палец снова блуждал по его груди, и она поймала себя на том, что затаила дыхание.

К счастью, его голос, когда он ответил, был скорее нерешительным, чем расстроенным. — Гермиона, ты же не заставишь меня говорить тебе такие вещи, правда? он стонал. — Как ты можешь быть такой злой ведьмой?

Гермиона медленно провела рукой по груди Гарри, к его талии, а затем дальше, и тихо ответила: — Если хочешь, я могу быть очень непослушной ведьмой.

Тело Гарри снова напряглось, на этот раз по другой причине. Затем Гермиона не смогла больше поддерживать соблазнительный образ и расхохоталась. Она быстро протрезвела, когда Гарри повернулся к ней и притянул ее лицом к себе, прижавшись к ней всем телом вверх и вниз. «На самом деле, мне очень нравится одна непослушная ведьма». Он акцентировал это заявление обжигающим поцелуем.

Когда она заставила ее задыхаться, он отпустил ее и откатился в исходное положение, и она

снова прижалась к нему, чувствуя, как ее сердце колотится в груди, прижимаясь к его боку. Через мгновение он сбивчиво начал свой ответ.

«Ну, сначала я просто думал о любой девушке, которую знал. Ты, Парвати, Лаванда. Наверное, Анджелина, Алисия и Кэти чаще, так как они были немного старше и ну, более развиты. Плюс я проводил время с ними. в раздевалке для квиддича, и было легко представить, как они раздеваются. Конечно, хотя я был влюблен в Чжоу, в основном это была она, а затем то же самое с Джинни».

"Ой."

«Но в конце четвертого года, когда мы все это время проводили вместе, и летом после этого я часто думал о тебе. Я смотрел, как ты их снимаешь. Тогда я действительно подумал, что, может быть, мы могли бы встретиться, особенно после того, как ты поцеловал меня на вокзале».

"Действительно!"

— Но потом, когда я узнал, что вы с Роном вместе на площади Гриммо, я заревновал, а потом, с нападением дементоров и судом, все стало таким сумасшедшим. Потом вас с Роном назначили старостами, и я мог думать только о том, как вы двое проводили время вместе без меня и снова начинали ревновать. Вскоре после того, как мы вернулись в Хогвартс, Чо начала вести себя так, будто я ей интересен, и...»

Гермиона издала звук, нечто среднее между визгом и стоном.

Она приподнялась руками, чтобы приподняться над ним, чтобы посмотреть ему в лицо. Она не заметила, как Гарри изо всех сил старается сосредоточить свое внимание на ее лице, а не на привлекательном дисплее чуть дальше.

«Гарри! Не могу поверить, что ты так думал! Я имею в виду, что это было как раз в то время, когда я пытался заставить тебя так думать. подсказка, а я так хотел тебя увидеть тем летом, но нас держали подальше от тебя и даже не разрешали тебе много писать, а потом все так запуталось, а потом чо и...» Наконец, его губы заставили ее замолчать, и ей пришло в голову, что сейчас у них есть гораздо более важные дела, чем разговоры.

По мере того как поцелуй развивался, он снова прикасался к ней во всех нужных местах. Это было даже лучше, чем в первый раз.

На той неделе они в последний раз просили две кровати при регистрации на курорте.

— Гермиона? Внимание Гермионы вернулось к настоящему, где Рон странно смотрел на нее. Она могла чувствовать блаженное мечтательное выражение, которое все еще было на ее лице,

и была огорчена тем, как оно, должно быть, выглядело для Рона.

Она откашлялась. «Извините, я немного отвлекся». Она улыбнулась Гарри, зная, что он точно поймет, какое воспоминание вызвало такое выражение на ее лице. Краем глаза она заметила, что Рон закатил на них глаза. Жаль, она особенно любила это воспоминание. Она перелистывала страницы, пытаясь найти, о чем бы ему еще рассказать. Возможно, реакция ее родителей...

Из дневника Гермионы Грейнджер — неделя 25, день 7

Это последний день первой половины нашего обучения. Завтра мы встретимся с моими родителями и возьмем неделю выходных, чтобы провести с ними время. Это будет так странно. Прошло полгода с тех пор, как мы их видели, а для них прошло всего несколько часов. Их объяснение в отеле, почему мы регистрируемся отдельно, будет заключаться в том, что они отправились прямо на курорт из аэропорта, а мы остановились в Плайя-дель-Кармен, чтобы немного пройтись по магазинам. Они уже заселились в комнаты и, вероятно, будут ждать нас у бассейна. Мне так много нужно им сказать! Я уверен, что они будут в восторге от того, что Гарри и я теперь вместе, но я все равно нервничаю из-за этого. Гарри, конечно, в правильном состоянии. Когда-нибудь я убедю его, что он замечательный человек, и что людям нравится, когда он рядом, но сейчас у него все еще есть какое-то ощущение, что он ничего не стоит и никому не понравится, что эти ужасные родственники вбивали его в него все эти годы. Я делаю все, что в моих силах, чтобы заставить его думать иначе.

Когда Гарри и Гермиона зарегистрировались в Клубе Робинзонов, на стойке регистрации их ждало сообщение от ее родителей. У них были смежные комнаты, и они уже заполнили документы на Гарри и Гермиону. Им просто нужно было предъявить удостоверение личности и забрать ключи. Дэн и Эмма будут ждать их у бассейна, как и предполагала Гермиона.

Они бросили свои вещи и переоделись в купальники, а затем пошли искать Дэна и Эмму. На курорте было три набора комнат, каждая из которых сгруппирована вокруг круглого двора, и их комнаты были удобно расположены рядом с пляжем и бассейном. Бассейн был большим, произвольной формы с множеством закоулков и закоулков, так что им потребовалось некоторое время, чтобы найти Грейнджеров. Наконец они увидели, что Дэн машет им рукой, и направились в этом направлении. Как и ожидала Гермиона, ее мама была топлесс; во время прогулки они заметили много других женщин, одетых так же. Клуб Робинзона был курортом, который обслуживал немцев, с некоторыми гостями из других европейских стран, но с относительно небольшим количеством жителей Северной Америки, что объясняло привычки купальных костюмов.

Гермиона была очень горда тем, что Гарри спокойно принял наряд ее мамы, и после того, как она крепко обняла каждого из родителей, она положила свои вещи на шезлонг рядом с Эммой и сняла свой топ. Это вызвало вопросительный взгляд ее мамы, и Гермиона счастливо кивнула. Как только Гермиона села, Гарри подошел к ней сзади и начал наносить солнцезащитный крем на ее спину, на что Эмма еще раз приподняла бровь и одобительно кивнула.

Дэн не сказал ничего, кроме обычных приветствий во время объятий Гермионы, когда она

впервые подошла, но он, как и Эмма, внимательно наблюдал за подростками. По их взаимодействию, легким улыбкам, прикосновениям, тому, как они смотрели друг на друга, было совершенно очевидно, что теперь эта пара определенно стала парой. Возможно даже больше. Конечно, нежный маленький поцелуй, которым Гарри поцеловал Гермиону в затылок, пока он втирал солнцезащитный крем, был полной раздачей.

«Вижу, вы его хорошо обучили», — наконец прокомментировала Эмма, имея в виду применение солнцезащитного крема.

— О да, он действительно меня балует, — ответила Гермиона с самой яркой улыбкой, которую Эмма видела на своей дочери за долгое время. При этих словах Гарри обнял ее за талию для быстрого объятия и смущенно ухмыльнулся Эмме через плечо Гермионы. Дэн, который знал, что его жена умирает от желания узнать все подробности от дочери, предложил ему и Гарри пойти в бар, чтобы принести всем выпить.

— Итак, ты... — начала Эмма.

"Да!" Гермиона взвизгнула прежде, чем ее мать успела закончить вопрос. «О, мама, это так чудесно! Последние пять недель я была на небесах с тех пор, как он сказал мне, что любит меня. Я так невероятно счастлива!»

— Вы... принимаете меры предосторожности? — деликатно спросила Эмма, проявляя свою практическую сторону.

— О, не волнуйся, мама, мы не зашли так далеко, — успокоила нервничающую мать Гермиона.
— И не собираемся, пока не поженимся. Нет, он меня еще не просил, — поспешила добавить она в ответ на испуганное выражение лица матери. «Но я не вижу другого конца».

«Судя по тому, как развиваются эти отношения, возможно, вам стоит спросить его», — поддразнила Эмма.

"О мама!"

«Я так рада за тебя», — заявила Эмма, подойдя, чтобы крепко обнять дочь. «Вы двое, безусловно, заслужили это счастье после всего, через что вы прошли вместе». Вскоре Гарри и Дэн снова появились с напитками. Очевидно, у них обоих был похожий разговор, потому что на лице Гарри было облегчение, и он был намного спокойнее. Четверо уселись, и следующие несколько часов взрослые слушали, как подростки (в основном Гермиона) рассказывали о своих приключениях за последние шесть месяцев.

Это была заслуженная неделя для подростков, поэтому они впервые воспользовались всеми возможностями, которые мог предложить курорт. Помимо того, что они проводили весь день на пляже или в бассейне, они играли в пляжный волейбол, Гермиона учила Гарри плавать с маской, и они оба пробовали заниматься виндсерфингом. Естественный баланс Гарри помог

ему в этом, но Гермione в конце концов удалось поднять парус и продвинуть доску вперед, прежде чем она упала. Она была поражена тем, насколько увеличилась сила верхней части тела за недели тренировок.

Хотя они редко видели ее родителей днем, они собирались вместе каждый вечер и вели с ними замечательные беседы за ужином. Дэн и Эмма были очарованы рассказами о том, что они видели и делали в джунглях Юкатана. Причина, по которой подростки проводили дневное время отдельно от взрослых, заключалась в особенностях клуба «Робинзон», из-за которого Дэн и Эмма и записались туда в первую очередь. На курорте была небольшая огороженная без одежды территория, включавшая в себя небольшой бассейн и сауну. Только в последний полный день их пребывания там у Гарри хватило смелости попробовать это.

Из дневника Гермione Грейнджер — неделя 26, день 7

Мама и папа были в восторге от укромного местечка, которое они нашли для принятия солнечных ванн. Там также есть сауна, и я надеялся, что Гарри пойдет туда со мной. Я посетил его с ними однажды днем, когда Гарри играл в волейбол, и это просто прекрасно. Сегодня он согласился проверить это. Сейчас ему совершенно комфортно быть обнаженным рядом со мной, но он все еще стесняется того, что другие люди видят его. Внутри он все еще видит себя тощим маленьким ребенком с узловатыми коленками.

Это интересная маленькая установка у них есть. Вы входите через мужскую и женскую раздевалки, каждая из которых заканчивается душем. Но душевые открыты для всех, так зачем возиться с отдельными раздевалками? Как бы то ни было, мы сняли свои костюмы, приняли душ, затем завернули себя в полотенца и встретились у двери в сауну. Прямо рядом с ним находится небольшой бассейн с примерно двадцатью шезлонгами вдоль одной стороны. Когда мы прибыли ближе к вечеру, в креслах сидело всего несколько человек, и мы не обращали на них внимания.

Мы вдвоем были единственными, кто зашел в сауну, поэтому мы сели на одну из деревянных скамеек и расстегнули полотенца. Мы сидели на них, но концы болтались свободно, чтобы при необходимости можно было прикрыть живот. Это была очень жаркая и сухая сауна, и мы моментально вспотели. Через несколько минут вошла пожилая пара и последовала нашему примеру. Гарри немного напрягся, но когда я взял его за руку, он робко улыбнулся и снова расслабился. Я мог сказать, что он хотел переложить полотенце обратно на колени, но сопротивлялся. Затем вошла группа из пяти человек, и они были намного моложе, им было около 20 лет. Я заметил, что три девушки внимательно посмотрели на Гарри, но увидели, что я держу его за руку, и ничего не сказали. Одна из девушек, видимо, непривязанная, сняла полотенце, разложила его на скамейке, и легла на нее на спину. Гарри определенно посмотрел (черт возьми, я тоже), но затем он быстро повернулся и сосредоточил свое внимание на мне. Когда он смог сделать это, не реагируя, я понял, что с ним все будет в порядке. Я сильно сжал его руку, чтобы показать ему, как я был впечатлен тем, как хорошо он с ней справлялся.

Пятнадцать минут — максимальное время, рекомендуемое для новичков при такой температуре, поэтому вскоре после этого мы ушли. Это был последний вызов. Снаружи у бассейна были шланги, которые используются для охлаждения и смывания пота, затем мы вошли в купель. Это было божественно. Гарри все время оставался рядом со мной, и я

чувствовал, что он все еще немного нервничал, но с ним все было в порядке. Мама и папа сидели на двух шезлонгах, когда мы наконец вышли, и он даже был готов подойти и сесть рядом с ними. К моему изумлению, он даже сел на тот, что рядом с мамой, и начал с ней разговаривать, рассказывая ей, как здорово все это ощущалось. Я так горжусь им! Теперь я знаю, что ему будет совершенно комфортно быть голым в моем доме, когда мы вернемся домой.

— Итак, ты отсидел двадцать пять недель, а затем взял неделю отпуска, чтобы провести ее с родителями, — сказал Рон, подтверждая детали вслух. «Потом ты вернулся и сделал все заново. А потом где-то во второй раз он предложил тебе выйти за него замуж?» Гермиона улыбнулась ему и счастливо кивнула. Он покачал головой, все еще с трудом осознавая, что два его лучших друга, которые даже две недели назад не встречались, теперь помолвлены. — Так как же ему это удалось? Я не могу поверить, что мистер Бестолковый о женщинах смог произнести эти слова без серьезной подсказки. Затем он наклонил голову и поднял брови. — Или, может быть, ты спросил его?

Гермиона ударила его по руке в частично притворном возмущении. — Рональд Уизли! Знаешь, Гарри сделал очень романтическое предложение. И даже застал меня врасплох.

Рон недоверчиво покачал головой. — Хорошо, давай послушаем.

Гермиона снова начала листать свой дневник, хотя это было совершенно ненужно. Если бы она дожила до двухсот лет, она бы никогда не забыла тот день.

Из дневника Гермионы Грейнджер, неделя 46, день 3

Мой. Он будет моим, а я буду его навсегда. Это как сон. Я никогда бы не поверил, что это произойдет, что мы сможем зайти так далеко за год, проведенный за границей. Все началось с, казалось бы, безобидного вопроса, когда мы одевались вчера утром...

Гермиона одевалась, когда Гарри посмотрел на нее с поднятой бровью и улыбкой на лице. — Ты вообще носила лифчик с тех пор, как мы здесь?

Гермиона усмехнулась в ответ. Хотя она по-прежнему ложилась спать в своих трусиках каждую ночь, они стали полностью открытыми друг для друга и не пытались прикрыться, когда одевались. Не говоря уже о том, что они вносили свой вклад в экономию воды, принимая душ вместе. Хотя, должна была признать Гермиона, их совместный душ, вероятно, был не короче, чем два отдельных душа. Она решила, что у нее, должно быть, самая чистая грудь в Мексике после того, как Гарри потратил столько времени, «помогая» ей их мыть.

«Нет. Я прихватил с собой только один и никогда не вынимал его из багажника». Она поманила его вперед. «Посмотрите на эти майки, они сделаны из эластичной ткани? Помимо этого и встроенной поддержки, мне не нужен к ним бюстгальтер». Гарри подошел поближе, чтобы осмотреть улики, вероятно, более чем необходимо.

— А как насчет ваших платьев? Он явно был увлечен этой темой.

«Большинство из них такие же, — ответила она. «Единственное, чего нет, — это красное. Я уверен, вы заметили, как я покачиваюсь, когда ношу его».

— На самом деле, у меня есть, — ухмыльнулся он. «И это очень привлекательное покачивание». Гермиона хихикнула. Она очень хорошо знала, что он заметил, как она подпрыгивала, когда носила красное платье. Реакция, которую она получила от него, была ее любимой особенностью платья.

«Но я думаю, что мой любимый — белый», — заключил он.

"Действительно?" — удивленно спросила Гермиона. "Не синий или зеленый?" Одним из результатов повторения одних и тех же двух недель двадцать пять раз было то, что они очень хорошо знали одежду друг друга. Гермиона подсчитала, что каждое платье она надевала не менее 30-40 раз. (Она заменила две майки, когда они износились, а лямки-спагетти истерлись, а Гарри купил несколько новых футболок и майок, так как его торс значительно увеличился за год.) Сине-зеленые платья были с лямками-спагетти. топы с глубокими вырезами, которые демонстрировали много кожи и изрядное количество декольте.

— Нет, — сказал он с ухмылкой, от которой все ее внутренности растаяли. «С белым связано несколько хороших воспоминаний». Гермиона улыбнулась, вспомнив покупку этого платья и его первую реакцию на него, а также ту волшебную ночь шесть месяцев назад. «На самом деле, как вы думаете, вы могли бы надеть его снова сегодня вечером? Я думаю, что это особенная ночь».

"Ты помнишь?" Гермиона считала дни, но не знала, что Гарри такой наблюдательный.

— Ага, — объявил он, довольно гордый собой. «Если я правильно понял, это та ночь, когда я впервые сказал тебе, что люблю тебя. Думаю, мы должны отпраздновать».

«Конечно, надену», — радостно согласилась она.

— А ожерелье? — с надеждой спросил он. Гермиона улыбнулась. Он превратился в такого романтика.

— И ожерелье, — подтвердила она.

Гермиона заметила, что Гарри выглядел необычайно нервным за ужином в тот вечер, но списала это на особый случай. Затем, за ее любимым десертом, греховно насыщенным шоколадным муссом, он спросил ее о чем-то совершенно неожиданном.

«Гермиона, у тебя когда-нибудь были прозвища? С таким необычным именем, кажется, кто-то

хотел бы его сократить, но я никогда не слышал, чтобы кто-то так делал, даже твои родители».

Гермиона нахмурилась. Это был какой-то больной вопрос с ней. Она довольно гордилась своим необычным именем и сопротивлялась всем попыткам его сократить. Она надеялась, что это не станет предметом разногласий с ними, если его сердце будет настроено на уменьшительное для нее. «Некоторые из детей называли меня Герми в начальной школе. Я ненавижу это — отчасти потому, что они получили это из-за неправильного произношения моего имени — вы знаете, Нег-те-оуп?» Гарри сочувственно кивнул, затем его рот дернулся. Глаза Гермионы сузились, и он попытался совладать с собой, но не смог.

— Извини, но я только что вспомнил, как кто-то в Хогвартсе назвал тебя так, — сказал он сочувственно, но его глаза искрились весельем. «Возможно, ты его помнишь. Большой парень? Имя Грохх?» Гермиона уронила голову на руки и застонала. Гарри протянул руку и похлопал ее по спине в притворном утешении. Она снова подняла голову и посмотрела на него.

«Хорошо, кроме неграмотных двадцатифутовых гигантов, никто больше не осмелился называть меня так с тех пор, как я научился колдовать».

— Хм, — задумчиво пробормотал Гарри, как будто задумавшись. — Гермс? Гермиона издала кашляющий звук. «Нет, вы правы, слишком по-мужски», — согласился он. «И Миона в основном просто звучит так, как будто кто-то случайно опустил первый слог, и, кроме того, уменьшение его с четырех до трех не стоит усилий».

Гермиона была совершенно сбита с толку тем, куда Гарри клонит, и выражение ее лица ясно указывало на ее недоумение.

"А как насчет Майн?" он посоветовал. Гермиона склонила на него голову, все еще сбита с толку. — Типа, ты будешь моей?

«Звучит как День святого Валентина», — заметила она.

«Я надеялся, что это будет более постоянным... например, навсегда?» Дразнящий тон Гарри внезапно исчез, и он серьезно наклонился вперед, его зеленые глаза впились в нее.

"Гарри?" она наполовину говорила, наполовину шептала. Сердце Гермионы, казалось, перестало биться, когда до нее внезапно дошло, что происходит.

«Гермиона, когда мы отправились в эту поездку, я очень нервничал по поводу того, как все сложится, прожив с тобой такой долгий период. Теперь я не могу представить себе другую жизнь, и я не хочу пытаться. засыпать с тобой каждую ночь и просыпаться с тобой каждое утро. Я не хочу провести ни дня без тебя. Я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж и будешь моей навсегда?»

Несколько посетителей за соседними столиками были поражены визгом, издаваемым Гермионой, но все улыбнулись, поняв, что происходит.

— О, Гарри! Я хочу быть с тобой больше всего на свете! Поверь, я выйду за тебя замуж!

Вкусный десерт был полностью забыт, когда пара обнялась в сокрушительном объятии. Наконец Гермиона вырвалась и посмотрела в лицо Гарри, переполненная желанием. Низким голосом, от которого Гарри содрогнулся, она выдохнула: — Гарри, я хочу тебя. Комната. Сейчас же.

Вернувшись в комнату, они быстро избавились от всей ненужной одежды. (Что в случае с Гермионой означало платье и ее сандалии, оставив ее одетой только в трусики. И ожерелье.) Позже они лежали на кровати, обнявшись, переводя дыхание после некоторых напряженных усилий, когда Гарри спросил. — Так что насчет прозвища?

"Моя? Я полагаю. Но разве я не должен тоже называть тебя Моя?" — указала Гермиона.

— Тебе не кажется, что это может сбить с толку?

«Думаю, я справлюсь. В конце концов, я самая умная ведьма, которую вы знаете», — поддразнила она.

— Думаю, я тоже довольно умен, — запротестовал он.

"Да неужели?"

«Я был достаточно умен, чтобы влюбиться в тебя».

— О, Гарри! Я так тебя люблю!

— Я тоже люблю тебя, Гермиона. Я люблю тебя.

<http://tl.rulate.ru/book/79867/2417552>